

Книга стихов МУСТАЯ КАРИМА выдвинута на соискание Ленинской премии



КРЕСАЛО И КРЕМЕНЬ БОЛЬШОГО ТВОРЧЕСТВА

Еще «зеленым» юношей выпустил Мустай Карим свой первый сборник. В тех стихах были и дерзость, и устремление, и любовь, и романтика, словом, все, что присуще молодости. Но была в них и до звонкости крепкая поэтическая строка, которая обещала в будущем засверкать пламенем высокой поэзии, образной и мудрой, необходимой людям, как действительный пламень очага.

Так оно и произошло. Однако огонь поэзии Мустая Карима взвился не только из сердца, но и из раскаленного горнила войны. Любовь к своей земле и ненависть к врагам — вот кресало и кремень поэта, который в самых жестоких схватках не расставался с карандашом и блокнотом. Стремительные, пахнущие порохом и кровью, строки заполняли коржбики лиски. Голос Мустая Карима живо доносился до родной республики, выражая боевой дух башкирских воинов. Его стихи в прекрасных переводах М. Дудина зазвенели на тревожных страницах «Огонька», и с тех пор стали дороги сердцу всех людей страны.

Кто, гадаясь о волнении, не читал «Цветов на камне» — этот апофеоз суровой и бесконечно нежной солдатской любви? И как же не поблагодарить В. Тушнову, которая так свежо донесла до русского читателя аромат этого стихотворения! Кто без внутренней дрожи не окунался в строчки, которые начинаются чеканно и медленно, как колебание колокола:

Тяжелый снег идет три дня,
Три дня подряд, три дня подряд...

Недавно, выступая в «Комсомольской правде», Расул Гамзатов, большой друг Мустая Карима, писал, что в поэзии мало быть пылким, прежде всего надо быть ВЗРОСЛЫМ, по-взрослому мудро и глубоко вести беседу с человечеством.

Эти слова как нельзя лучше относятся к поэзии Мустая Карима. Вряд ли встретишь у него хотя бы одно стихотворение, лишенное философской глубины и размышлений (не просто мыслей!). К чему бы не обращался поэт, какого бы предмета не касался его взор, он как бы открывает неизведанный мир и щедро доносит его до сердца читателей.

Философия Мустая Карима необычайно многогранна. В сказке «Улыбка», например, она полна тонкости и аллегорий. А в трагедии «В ночь лунного затмения», которая вся звучит как поэзия, эта философичность обретает особенно выпуклые очертания. Ее видим мы и в многочисленных пьесах Мустая Карима, и в прозаических произведениях, и в публицистике. Воистину необъятный размах!

Все почитатели таланта М. Карима с радостью восприняли весть о выдвижении его кандидатуры на соискание Ленинской премии.

Композитор Загир Исмагилов и поэт Мустай Карим — друзья юности. Они уже давно работают в творческом содружестве.

Сейчас композитор вместе с народным поэтом БАССР Мус-

таем Каримом работает над созданием новой оперы. Она расскажет о героизме, творческом труде наших современников.

НА СНИМКЕ: Загир Исмагилов (справа) и Мустай Карим

в погожий осенний день выехали за город на живописный берег реки Демы. Здесь они продолжают обсуждать либретто новой оперы.

Фото Э. Евзеришина. Фотохроника ТАСС.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

МУСТАЙ КАРИМ

КОГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ ЖУРАВЛИ

Памяти старого коммуниста

Весна бурлит, и песнь ее трепещет
На чистых струнах солнечных лучей.
Порывом ликования вся плещет
И брызжет и призывней и звончей
Сквозь чистый ливень солнечных лучей.

Нахлынет туча. Оборвутся струны.
И в трубах скорбно прорывает медь.
Все в тех же небесах,

курлыча трубно,
Но только отчего рыдает медь?
Дорога, небо, сторона — все те же...
Но все ли птицы в небе голубом?
Или, быть может, есть еще

отверженные,
Отставшие со сломанным крылом?
Ах, все ли птицы в небе голубом!
Рыдают трубы медные вдали,
Когда летят обратно журавли.
...В такую пору мы тебя хороним.
Лик ясен твой. Пусть солнце

поглядит.
В гробу, что наши плечи низко клонит,
Плывешь в последнем медленном пути.
Так тяжело. Так тяжек ты, лежащий.
Ровна дорога, а в ногах нет сил...
Первые на товарищей,

державу,
На землю влажную ты тяжесть
возложил.
Тебе постелью будет эта глина,
Зеленым покрывалом — целина.
...Владеет мной не горькая картина,
А жизнь твоя,

что вся насквозь видна.
Родился в поле.
Нет, не на подушки —
На копны уложили среди ржи.
И, как теперь, над головою дружно
Лучи сверкали в голубой тиши,
Иль тучи плыли, небо всполошив.
К губам твоим медовые приправы
Мать не несла (попала ритуал).
Не потому ль, хотя в словах был

правым,
Язык твой сладким все же не бывал.
С мольбою о куске неразделенном
К слепому року руку не тянул.
Не для мольбы, а для борьбы
рожденный,
На эту землю твердо ты шагнул.
Шелками платьев не был ты

обласкан,
Султанами красот обременен —
Но затянулся в пояс солдатским
Пожизненным нервущимся ремнем.

Едва покинув отрочества берег,
Когда бы всласть любовь свою
встречать,

На Перекопе,
осиянный верой,
В окопах стыл с винтовкой по ночам.
Когда бы всласть любовь свою
встречать.

Еще и крыши нет над головою,
Лишь зрят в упор голодные глаза,
А ты все человечество земное
Мечтал устроить в мраморных
дворцах.

Или в бою ты был,
Или в дороге.
Руками —
То в мозолях, то в крови —
Оружье раскаленное ли трогал,
На рычаги ли плужные давил.
Когда весь мир впервые содрогнулся,
Там у ворот Мадрида,

вдалеке,
Во имя коммунизма окунулся
Ты в битву,

сжав идеи в кулаке.
Затем,
Взвалив на плечи судьбы мира,
Жестокими годами обожжен,
Ты полпланеты нашей обошел.
Был разум прям, извилина дорога.
И спотыкался, было, и скользил.
И «гения из гениев»,

как бога,
Всем существом своим боготворил,
Всем сердцем верил ты.

Не сомневался,
Коль за врагов друзей он выдавал.
Где б бить тревогу —
выпрямляясь разом,
Любому его жесту ты внимал.
Шло время. Все успело проясниться.
Забутые востали имена.
И с правдой о жестокости «провидца»
Как будто с глаз упала пелена.
Где быть бы грядкам — темные

могилы
На вечные остались времена,
Узнал. За сердце медленно
схватился.

Казалось, сердце бьет уже отбой.
Ты покачнулся. Но не повалился —
Была земля твердыней под тобой.

Отвоевался. Вот и путь окончен.
На теле шрамы. Раны — на весу...
Теперь тебя к последнему окопу
В задумчивом молчании несут.
Рыдают трубы. Горе у земли,
Летят, летят обратно журавли...

В такое время мы тебя хороним...

Кто сзади там под шляпами укрыв,
Взмутив водицу,

с вежливой иронией
Пытается поймать в той мути рыб?
Покройник, мол, горел излишне рьяно,
Иль замерзал — чуть оставался жив.
Чудак он был, чудак...

Предельно прямо
Шел дым из очага его души.
Мол, песни пел, где это неуместно —
А если хохотал, то не попадал.
Лез вон из кожи вместо, мол,

протеста...
Короче, сам, бедняга, виноват,
Что создан был не из такого теста.
Урок весьма наглядный —

то, как жил он,
Не обрета ни славу, ни мощну.
Вся жизнь его была сплошной
ошибкой,
К тому же — поклонение божку...

Постойте-ка! На кем чините суд вы?
Сняв шляпы, преклонитесь перед ним!
Не вы ль роптали, потеряв рассудок,
Когда б призыву рваться из груди?

Не плойте в чашу (новое, мол,
время),
Коль тянетесь к ней ложкой до еды.
Ответьте, кто дыхание дал дереву,
С которого снимаете плоды?

Он,
Гребнем жизни шедший сквозь
сраженья,
Всю жизнь дышавший инеем росток,
Его победы, как и поражения,
Для нас наследие,
Для нас большой урок.

Так тяжело. Такая нынче тяжесть!
Ровна дорога. А в ногах нет сил...
Первые на товарищей,

державу,
На землю влажную он тяжесть
возложил.
Был коммунистом он.
Своим дыханьем
Застывшую планету растопил.
В своей груди,

в сердечном колыханье
Он знамя туго свернутым носил.

Замолкло сердце, вознесаясь трубой.
Он знамя в землю не унес с собой.
Серебряные трубы... То вдали
Летят, большой дорогой журавли.

Перевод Газима ШАФИКОВА.
(На русском языке публикуется впервые).